

СЕДЬМОЕ МЕСТО

философская повесть

18+

Ани Еганян
Седьмое место

«Автор»

2026

Еганян А.

Седьмое место / А. Еганян — «Автор», 2026

Что, если однажды ночью за одним столом встретятся Пушкин, Есенин, Ахматова, Цветаева, Маяковский и Бродский? Шестеро великих поэтов, давно покинувших этот мир, возвращаются, чтобы поговорить о самом главном. Что такое любовь? Почему мы боимся смерти? Можно ли прожить жизнь напрасно? И что остаётся от человека, когда его больше нет? Седьмое место за столом занимает обычная женщина, которая давно потеряла смысл собственного существования. Но эта встреча не случайна. За окном остановилось время, на пустынном перроне появилась загадочная фигура, а впереди — разговор, после которого уже невозможно остаться прежним. «Седьмое место» — мистическая философская повесть о жизни, потерях, любви и надежде. О вопросах, которые мы боимся задавать себе. И об ответах, которые иногда приходят слишком поздно.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Пролог. Люди умирают не сразу	7
Глава первая. Шестеро на один стол	8
Глава вторая. Чужая жизнь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ани Еганян

Седьмое место

СЕДЬМОЕ

МЕСТО

Философская повесть-притча

о смысле жизни, любви, смерти и вечности

Шесть голосов прошлого.

Один голос настоящего.

Семь мест за одним столом.

От автора

Эта книга — художественный вымысел. Пушкин, Есенин, Ахматова, Цветаева, Маяковский и Бродский здесь не исторические свидетельства и не подлинные голоса ушедших людей, а персонажи воображаемого разговора. Все реплики придуманы для этой истории.

Пролог. Люди умирают не сразу

Человек умирает не тогда, когда останавливается сердце.

Иногда это случается гораздо раньше.

Когда он перестаёт ждать весну. Когда любимая песня больше ничего не напоминает. Когда на вопрос «Как ты?» отвечает «Нормально» и уже не помнит, когда в последний раз говорил правду.

Лида не знала, в какой именно день с ней это произошло.

Возможно, в тот вторник, когда похоронила мать.

Или через три месяца, когда обнаружила, что больше не помнит её голос, но всё ещё помнит номер телефона.

А может быть, гораздо раньше — когда впервые произнесла: «Ничего, проживу ещё немного, потом начну жить по-настоящему».

Ей было сорок два.

Она работала в маленьком круглосуточном кафе у железнодорожного вокзала, где люди ежедневно прощались, встречались, плакали, обнимались и обещали обязательно позвонить.

Лида наливала им кофе.

За двадцать лет она видела тысячи чужих начал и окончаний.

Своего начала она так и не дождалась.

Однажды ночью, ровно в 02:17, дверь кафе открылась.

Вошёл молодой человек с кудрявыми волосами и внимательными глазами.

— У вас можно сесть? — спросил он.

— Мы скоро закрываемся.

— Прекрасно, — ответил незнакомец. — Значит, у нас мало времени. А это, знаете ли, самое подходящее условие для серьёзного разговора.

Следом вошёл светловолосый мужчина с усталым, красивым лицом.

— Саша, — сказал он первому, — ты опять явился раньше смерти.

— А ты, Серёжа, опять явился после неё.

Лида подняла глаза.

И впервые за многие годы почувствовала не усталость.

Страх.

Потому что узнала обоих.

А когда в дверях появилась высокая женщина в тёмном платье, с лицом, на котором словно застыло целое столетие, Лида поняла:

Этой ночью живым придётся отвечать перед мёртвыми.

Глава первая. Шестеро на один стол

— Вы не можете здесь находиться, — сказала Лида.

Мужчина с кудрями оглядел зал: четыре столика, мутное зеркало, автомат с шоколадками, настенные часы, застывшие на 02:17. Они сломались ещё осенью; хозяин обещал вызвать мастера и к Новому году обещание забыл.

— Почему же? — спросил он. — У нас, кажется, не требуют справку о бессмертии.

— Я знаю, кто вы.

— Тем проще знакомиться. Александр Сергеевич.

Он поклонился так изящно, будто тесное кафе вдруг превратилось в зал с высокими окнами.

— Сергей Александрович, — сказал второй и принялся вытирать о коврик совершенно сухие ботинки. — Простите, что ночью. Днём мы, говорят, слишком заняты в школьной программе.

Женщина в тёмном не стала представляться. Она сняла перчатки и аккуратно положила их рядом с сахарницей. Села к окну и посмотрела на вокзал. В её взгляде было столько пережитого, что Лида постеснялась спрашивать фамилию.

— Анна Андреевна, — негромко произнесла та, заметив её смущение.

Ещё две фигуры возникли в дверях почти одновременно. Высокий человек в пальто, которому тесно было даже в собственном росте, и женщина с быстрыми руками, будто она всё время хватала что-то невидимое, не желая отпускать.

— Здесь что, очередь в вечность? — проворчал высокий.

— Нет, — ответила женщина. — Здесь наконец есть стол, за которым не нужно извиняться за то, что чувствуешь слишком много.

— Владимир Владимирович, — представился высокий. — И Марина Ивановна. Ей непременно надо было произнести это первой.

Последним вошёл мужчина в потёртом пиджаке. Остановился под лампой, посмотрел на меню, словно проверяя, не изменились ли цены на человеческое одиночество, и сказал:

— Если это собрание по вопросу смысла существования, мне бы сначала кофе. Не уверен, что на трезвый желудок оно выносится.

— Иосиф Александрович, — кивнула Ахматова.

Лида опустилась на стул за стойкой.

Она не пила. Не принимала лекарств. Спала последние дни мало, но всё же достаточно, чтобы отличать усталость от невозможного. Перед ней сидели люди, чьи портреты висели в школьном кабинете литературы. Портреты теперь спорили о том, сколько сахара положить в чай.

— Кто вас прислал? — спросила она.

— Время, — ответил Пушкин.

— Оно обычно никого не спрашивает, — добавил Бродский.

— А нас, значит, спросило? — усмехнулся Маяковский.

— Не надо ломать женщине голову, — сказал Есенин. — Она и без нас не спала.

Лида машинально выставила шесть чашек.

— У вас семь стульев, — заметила Цветаева. — Почему только шесть чашек?

— Седьмой для посетителей.

— Вот и хорошо, — сказала Ахматова. — Значит, разговор состоится.

— Какой разговор?

Пушкин неожиданно сделался серьёзен.

— Мы за всю жизнь написали столько строк о том, как следует жить. Некоторые из нас даже поверили собственным словам. А теперь хочется узнать: что из этого осталось, когда исчезли мы сами?

— Можно я не буду в этом участвовать? — спросила Лида.

— Разумеется, — сказал Бродский. — В серьёзных разговорах свобода уйти должна быть настоящей. Иначе это допрос.

Лида посмотрела на дверь. Снаружи дождь превратил стекло в неровное зеркало. В отражении за шестью чужими лицами стояла одна её собственная жизнь, на которую она давно не хотела смотреть.

Она поставила седьмую чашку.

— До пяти утра, — предупредила она. — Потом закрою.

— До пяти так до пяти, — кивнул Пушкин. — Времени у нас меньше, чем было при жизни. А вопросов — гораздо больше.

Глава вторая. Чужая жизнь

Первым вопрос задал Маяковский:

— Что ты сделала такого, за что готова отвечать сама, без свидетелей и оправданий?

— Работала, — растерялась Лида. — Растила сына. Ухаживала за мамой. Платила за квартиру. Что ещё надо?

— Я не спросил, что надо. Я спросил, что ты выбрала.

— Люди вроде меня редко выбирают.

— А это удобный ответ, — возразила Цветаева, но Ахматова остановила её жестом.

— Не все свободы одинаково дешёвы, Марина. Кому-то выбор между двумя дорогами.

Кому-то — между лекарством и зимними ботинками.

Лида с благодарностью посмотрела на неё.

— Вот, — сказала она. — Именно.

— И всё-таки, — заметил Пушкин, — даже среди тяжёлых необходимостей человек иногда делает крошечный выбор, который потом определяет всю его жизнь. Ответить на письмо. Простить. Уехать. Остаться. Не промолчать. Я не утверждаю, будто выбирать легко. Я утверждаю, что нельзя заранее отдавать эту власть обстоятельствам.

Лида усмехнулась.

— Вам хорошо рассуждать. Вы все великие.

— Удивительно, — сказал Бродский. — Это комплимент, которым удобно закрыть рот собеседнику. Слово величие отменяет ошибки в обращении с собственной жизнью.

Есенин повернул чашку за ручку, чтобы она стояла точно напротив него.

— Я бы много чего поменял, если бы можно было. Но вот интересно: живой человек думает, будто ему дадут понять цену дороги заранее. Не дадут. Ты идёшь на свет в чужом окне, а после узнаёшь, что это был пожар.

— Стало быть, выбора нет? — быстро спросила Цветаева.

— Есть. Только не надо обещать ему победу.

Лида вспомнила семнадцатилетнюю себя. Картонную папку с рисунками. Поезд на Москву. Письмо о зачислении в художественное училище. Мать тогда сказала: «Поступила — хорошо. Но ты подумай: кто за комнату платить будет?» Лида подумала. Осталась. Через год родился Илья; через пять — ушёл муж. Ещё через десять письмо из училища рассыпалось на складках, когда она разбирала шкаф.

— Я рисовала, — неожиданно сказала она.

Шестеро замолчали.

— Зачем перестали? — спросил Пушкин.

— Не было времени.

— Двадцать пять лет?

В его голосе не было насмешки. Поэтому ответить оказалось мучительнее.

— Потом стало стыдно, — призналась Лида. — Взрослая женщина. Карандаши. Какая глупость.

— Стыдно кому? — спросила Цветаева.

— Не знаю.

— Самому жестокому суду не требуется судья, — произнесла Ахматова. — Человек отлично справляется в одиночку.

Маяковский отодвинул чашку.

— У тебя после смены есть десять минут?

— Иногда.

— Значит, есть место для линии. Одной. Пусть уродливой. Пусть ни для кого. А потом ещё одной. Не прошу шедевра. Прошу не отдавать последнее живое место в себе тем, кто и так уже забрал многое.

— Вы не понимаете, — тихо сказала Лида. — Когда целый день устал, хочется просто сесть, чтобы никто ничего не просил.

— Понимаем, — ответила Ахматова. — И не будем требовать от тебя подвигов. Бывают годы, когда смысл жизни — дожить до утра. Это тоже жизнь, а не её черновик.

— Но не надо из этого делать вечный приговор, — добавил Пушкин.

Лида отвернулась к кофемашине. Ей хотелось поспорить. Вместо этого она представила лист бумаги и карандаш, который можно было бы взять в руки без объяснения, без надежды, без слова «талант».

В кармане фартука завибрировал телефон. Сообщение от Ильи, сына: «Мам, ты завтра дома? Хочу приехать. Только давай без “у меня всё отлично”».

Лида прочитала его дважды и не ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.